

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

П. Е. Ахраменко

КАТЕГОРИЯ БЕЗЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НА БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК (на материале произведений В. Быкова и И. Мележа)

Каждый язык по-своему создает языковую картину мира, представление о мире, обозначает чувства, видение окружающего. Язык, как отмечал В. Гумбольдт, отражает «дух народа». В языке выражается весь тот запас знаний, культуры, мировосприятия, который накоплен предыдущими поколениями. Для того чтобы правильно воспринимать текст (в широком смысле этого слова), нужно знать и лингвистическую, и экстралингвистическую базу, на основании которой создавались эти тексты [1, 56–58, 86–88]. Язык отражает определенный способ восприятия, т. е. «концептуализацию» мира отдельным человеком и в целом народом. Так, как отмечает А. Вежбицкая, ключевыми концептами русского языка являются эмоциональность, иррациональность, неагентивность, любовь к морали [2, 33]. Эти понятия легче всего наблюдаются на уровне лексики и фразеологии. Синтаксические же особенности отмечаются не так ярко, а воспринимаются опосредованно через различия в мировосприятии. Безличность же проявляется именно на уровне синтаксиса.

Следует отметить, что, сталкиваясь с разнообразием русских безличных конструкций, не имеющих прямых эквивалентов в других языках, отдельные ученые склонны искать причины этого явления не в истории и системе самого языка, а в экстралингвистических факторах: специфических культурных традициях, своеобразии менталитета русского народа и т. п. В этой особенности русской грамматики видят и фатализм, и иррациональность, и алогичность, и страх перед непознанным, и даже агностицизм всего русского народа. При отсутствии общепринятых концептуальных подходов и методики рассмотрения соответствующих фактов главная опасность в данном случае в том, что отдельные ученые-лингвисты на основе безличных единиц в контексте этнической культуры и культурологии приходят в результате рассуждений вот к таким неправомерным выводам, даже к идеологизации объекта исследования [3, 15].

Так, А. Вежбицкая, рассматривая русский язык как бы сквозь «амбразуру» синтаксически и морфологически скудного английского, видит в безличности некую «неконтролируемость и иррациональность»

русского менталитета, «общую пациентивную ориентацию» русского синтаксиса, которая якобы является следствием взгляда на мир как на совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому разумению [2, 55–76]. Аргументированную критику указанной точки зрения с различных теоретических позиций выразили такие ученые, как Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю., Тарланов З. К. и др. [3, 5–16], [4, 240–241].

Категория безличности выражает когнитивные модели, сформировавшиеся в национальном сознании, при обозначении которых человек только наблюдает или обозначает ситуацию, но над ней не властен. Он подчинен некоторой, порой необъяснимой, внешней или внутренней стихийной силе, может становиться орудием её действия [5, 75].

В грамматической литературе общим свойством безличных предложений считается то, что «в них нет грамматического подлежащего в форме существительного или другой субстантивированной части речи в именительном падеже, а в форме сказуемого не выражено значение лица и по форме связи его нельзя определить» [5, 123].

Следует отметить, что безличность создаётся не тем, что в предложении нельзя вставить подлежащее (синтаксическая позиция подлежащего может сохраняться), а тем, что безличным предложением предполагается возможность изобразить действие в отрыве от деятеля, а признак – в отрыве от носителя признака, как состояние, как общую оценку предмета речи (мысли).

Семантической основой безличных предложений является отсутствие именно активного деятеля (или носителя признака), а собственно указание на деятеля (или носителя признака) в предложении всё-таки может быть, однако в такой форме, которая не допускает грамматического подлежащего. Сравним примеры: *Я дышу легко* и *Мне дышится легко*. В безличном предложении *Мне дышится легко* есть указание на лицо (*мне*), однако форма глагола-сказуемого не допускает именительного падежа, его нельзя установить и по связи с другими словами, и действие представляется как протекающее независимо от деятеля.

Исследование проблемы особенностей перевода языковых единиц различного уровня с одного языка на другой проводилось на протяжении почти всего предыдущего столетия. Анализировались языковые явления, способы их перевода. Отмечались факторы, содействующие не просто передаче смысла, но и различных коннотаций, «чувств» текста, его тончайших оттенков.

Художественный перевод – это не просто «перевод» произведения с одного языка на другой, но и «перевод» его из одной национальной культуры в другую. При переводе сопоставляются, приходят в активное взаимодействие не только два языка, но и две национальные культуры,

литературы. Не только от степени родства исходного и переводящего языков, но и от характера близости воспринимаемой и воспринимающей культур во многом зависит своеобразие художественного перевода.

Художественный перевод, как и любой другой, не является простой заменой слов на языковом и тематическом уровне согласно грамматическим правилам. В текстах художественной прозы или поэзии язык не только является средством передачи информации, но и служит средством художественного воплощения, носителем эстетической значимости произведения. С точки зрения А. В. Федорова, задачей перевода становится воссоздание функций особенных черт языка оригинала путем использования аналогичных средств выражения языка перевода [7, 171].

Таким образом, перевод художественного текста – это не только точное изложение содержания мыслей, сообщенных на языке оригинала, но и воссоздание средствами языка перевода всех особенностей стиля и формы сообщения. Именно это – воссоздание единства содержания и формы – отличает художественный перевод от иных способов передачи сообщения на другом языке, например, пересказа или реферирования.

Основная проблема заключается в том, что в большинстве случаев язык оригинала и язык перевода оказываются различными по внутренней структуре. А. В. Федоров отмечает, что грамматические явления того или иного языка, связанные с закономерностями его строя и им обусловленные, в своей совокупности отличны от грамматических явлений другого языка. Эти расхождения являются результатом своеобразия каждого из языков [7, 170]. Несовпадения в строе двух языков неизменно вызывают необходимость в преобразованиях текста, с помощью которых осуществляется переход от единиц оригинала к единицам перевода – переводческими трансформациями, в том числе грамматическим.

Материалом для перевода, который, прежде всего, является речевой деятельностью, служат две языковые системы – оригинальная и приемная. Естественные языковые системы не существуют в изоляции, но представляют собой неотъемлемую часть той культурной среды, в которой существуют носители языка.

В авторизованном переводе В. Быков безличные синтаксические единицы употребляет и как самостоятельное простое предложение, и как составную часть сложных построений различного типа: *Значыць, трэба асцярожней. – Значит, надо осторожней.* («Дожить до рассвета»); *Ля кустоў жа было спакойна, перад імі ляжаў голы, не надта заснежаны схіл з клоччам быльнягу па межах. – Здесь же, возле кустарника, было спокойно, перед ними лежал голый, не очень заснеженный склон с гривками бурьяна по межам.* («Дожить до рассвета»)

В целом как структура самого предложения, так и семантический тип безличного предложения при переводе не изменяются, например: *Яму і*

сапраўды не хацелася ні піць ні есці, і нічога не трэба было, апроч цяпла і спакою. – Ему и в самом деле не хотелось уже ни пить, ни есть, и ничего не нужно было, кроме тепла и покоя. («Сотников»); Калі на двары павальнела, Сцепаніда сабрала ў чыгунок рэшту старой варанай бульбы з цабэрка, трохі насыпала яе вобмежкай, зірнула ў акенца. – Когда во дворе опустело, Степанида собрала в чугунок остатки старой вареной картошки из ушата, немного присыпала ее отрубями, глянула в окошко. («Знак беды»)

Однако если нужно выделить различные состояния субъекта, его мироощущения, которые описываются автором, то возможны случаи, когда обозначается лишь безличная единица: *У мокрай траве было дужа няўтульна нагам. – В мокрой траве поначалу было неприятно босым ногам, но при ходьбе ноги согревались. («Знак беды»)*

Двусоставные единицы с морфологизованным субъектом в форме подлежащего в белорусских текстах при переводе могут заменяться безличными единицами: *У падворку драў горла дым, які абвалок хату, істопку, шызаі пеляной расцягнуўся ўздоўж па бульбянішчы, над горадам. – Першило в горле от дыма, которым обволокло хату, истопку, сизая пелена его расползалась по картофельному полю над огородом. («Знак беды»)*

Структурное наполнение простых предложений с безличным глаголом, обозначающим состояние окружающей среды, как правило, при переводе остается без изменений: *Праз момант, аднак, ярка засвяціла над хмызнякамі адразу ў двух мясцінах. – Спустя несколько секунд, однако, ярко засветило сразу в двух местах над кустарником. («Дожить до рассвета»); Было не сцюдзёна, трохі зябкавата нагам у воглай траве і ветрана. – Было не холодно, хотя и зябковато ногам в мокрой от росы траве и ветрено. («Знак беды»)*

Для уточнения данный тип безличных единиц может осложняться темпоральным компонентом: *Тым часам цямнела. – Тем временем быстро темнело. («Обелиск»); Тым часам амаль развіднела. – Тем временем почти рассвело. («Знак беды»); Але, здаецца, цяпер там было пуста, пара было гнаць жывёлу дадому. – Но теперь там было пусто и тихо, начинало смеркаться, надо было вести корову домой. («Знак беды»)*

Для обозначения более длительной процессуальности сказуемое в данном семантическом типе безличного предложения может быть изменено с именного на глагольное: *Стала зусім ужо цёмна. – Стемнело. («Обелиск»)*

В безличных предложениях со значением состояния окружающей среды слово категории состояния «ціха» замещается в зависимости от актуализации лексемами «тихо» и «безветренно»: *Пакуль, аднак, было ціха і цёмна. – Покамест, однако, было темно и тихо. («Дожить до рассвета»); Я быў згоднены ісці, тым больш, што надвор'е пад вечар яшчэ палепшала:*

было цѣпла, цїха, ні адзін лісцік на вязах не варухнеца, а глянцаватая стужка пустой шашы так і клікала даць волю нагам. – Я согласился идти, тем более, что погода под вечер стала ещё лучше: было тепло и безветренно, ни один листочек на вязах не шелохнулся, а гляцевидная лента пустынного шоссе так и манила дать волю ногам. («Обелиск»)

В таких безличных построениях возможно изменение не только видо-временной характеристики сказуемых, но и самой синтаксической структуры предложения: Яна спалохалася, каб Янка не пагнаў статак на Выселкі, бо ўжо вечарэла, неба так і не выбавілася з-пад хмар. – Начало вечаретъ, мог погнаць стадо в Выселки. («Знак беды»)

Употребляются безличные предложения со значением состояния окружающей среды как составная часть различных типов сложных построений – в качестве главной или придаточной части, в составе бессоюзных построений: Ён і сам грэўся, бо хоць і было зацішна, аднак ад зямлі паднімалася лесавая сырасць, ад якой стылі плечы і рукі. – Он и сам грелся, потому что хотя и было затишно, однако от ручья снизу тянуло лесной сыростью, в которой стыли колени и руки. («Знак беды»); Было дужа накурана і сцюдзёна, і панаваў нейкі спалох ці клопат, які адразу адчула Сцепаніда. – Было очень накурено, холодно, между мужчинами ощущалось какое-то напряжение, которое сразу уловила Степанида и сдержанно поздоровалась. («Знак беды»)

Безличные конструкции со значением действия мифической, неназванной силы функционируют и в оригинале, и в переводе как главная часть с различными типами придаточных. Неосознанность, безысходность того, о чем сообщается безличным предложением, раскрывается в придаточной части: Параніла яго надвячоркам на Доўгай градзе, неўзабаве пасля таго, як рота адбіла чацвёртую за дзень атаку і карнікі, пасцягнуўшы з балацявіны сваіх параненых і забітых, трохі оцішэлі. – Ранило его под вечер на Долгой Гряде, вскоре после того, как рота отбила четвертую за день атаку и каратели, потаскав с болота своих убитых и раненых, немного успокоились. («Волчья стая»)

Безличные конструкции со значением зрительного и слухового восприятия употребляются как главная часть сложноподчиненного предложения с придаточным изъяснительным: Выразна стала відаць, як там разгружаліся машыны. – Отчетливо было видно, как там разгружали машины. («Дожить до рассвета»)

В безличных предложениях со значением долженствования при переводе регулярно употребляются конструкции со словом категории состояния «трэба»: Мусіць, трэба было чымсь штурнуць у іх, ды нічога не траплялася пад рукамі. – Наверное. Надо бы чем-то бросить в них, но под руками не было ничего подходящего. («Обелиск»); Зноў жа трэба было сачыць, каб у час збавіць агонь, інакш прыгарыць брага і спляжыць увесь

выган. – Опять же надо было следить, чтобы вовремя уменьшить огонь, иначе пригорит брага и пропадет весь выгон. («Знак беды»); Але ж трэба было прынесці вады, прыдбаць дроў, дагледзець скаціну. – Но надо было принести воды, нарубить дров, досмотреть скотину. («Знак беды»)

Встречаются случаи замены односоставных безличных конструкций со значением необходимости совершения действия двусоставными предложениями: *Трэба было як найхутчэй рухацца далей, пярэдняга краю яны яшчэ не адолелі, яшчэ з кіламетр спатрэбіцца паўзці на рэчышчы ля кустоў. – Надо было как можно скорее одолеть эту пойму; переднего края они еще не прошли, еще предстоял самый опасный путь вооль речушки. («Дожить до рассвета»)*

Сложность перевода на близкородственные языки заключается, как нам видится, не просто в особенностях передачи лексики или грамматики, а в том, чтобы передать нюансы и сохранить дух того языка, с которого переводят и на какой переводят. Для этого используют разнообразные приемы.

Так, например, в своем романе «Люди на болоте» И. Мележ использует такое эффективное средство изображения персонажей, как народный язык. Вначале при работе над романом автор употреблял в диалогах реплики в форме литературного языка, но это выглядело неестественным, искусственным, и И. Мележ решил дать попробовать говорить героям так, как они говорят в жизни, и герои будто ожили, стали теми людьми с Полесья, которых хотелось и видеть, и слышать. Это и обусловило введение в переводной вариант романа оправданное большое количество белорусизмов. Они широко используются в романе в качестве средства речевой характеристики персонажей. Чаще других, «поскольку полнозначные слова повторяются во много раз реже, нежели служебные» [4, 178], в этой функции выступают служебные слова и междометия: *абы – рус. лишь бы, аж – рус. даже, альбо – рус. или, мабуць – рус. наверное, покуль – рус. пока, таксамо – рус. также, нема – рус. нет, нехай – рус. пусть и др.: *Доведут до Олешников, так абы пострашать, чтоб другим была наука, да и пустят; Слышал я, что аж под Минском на маневрах быть доводилось; Бо и так знаю: в холостяках ходить, покуль не надоест очень; Дак гляди, чтоб стерег хорошо!; Дак ен – нибыто – двадцать лет бился с болотом... Копает, копает – не ён, конечно, а люди, приведенные – а оно, болото, покуль в одном месте выкопают, в другом уже ряской заросло. (Все эти и последующие примеры взяты из романа «Люди на болоте».)**

Средством речевой индивидуализации и типизации выступают также белорусизмы – литературные и диалектные, – отличающиеся от соответствующих русских нормативных эквивалентов словообразовательными элементами при общности корней: *дён (рус. дней), дельба (рус. делёж), для*

прилику (рус. для приличия), дождался (рус. ожидал), жэнка (рус. жена), заходьте (рус. заходите) и др. *Бо про дельбу и разговор начался – двух дён не прошло; Заходьте... Заходьте... Невесточка моя; Василь знал, что весь этот разговор... только так, для прилику.*

В качестве средства стилизации речи персонажей, сближения ее с народно-разговорной речью в переводном тексте романа используются и особые падежно-предложные формы существительных вместо беспредложных форм, местоимения и наречия, свойственные белорусскому языку: *Учиться хотели там оставить, а он сказал: «До дому»; «Надолго до нас?» – спросила Ганна; По-людску надо с ними.*

Перевод безличных единиц в основном осуществляется безличными же единицами: *І прыйшося Васілю хочаш не хочаш адкрываць закрытае на моцны замок недаверлівае сэрца. – І прыйшлося Васілю хочеш не хочеш открыть запертое на крепкий замок недоверчивое сердце.* Случаи, перевода неодинаковыми по структуре предложениями редки: *Усё ж тывожнасьць тачыла душу. – Все же на душе было тревожно.* Это, как нам думается, объясняется субъективизмом переводчика.

Літаратура

1. Фрумкина, Р. М. Психолінгвістыка: учеб. для студ. высш. учеб. заведений / Р. М. Фрумкина. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 320 с.
2. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
3. Тарланов, З. К. Становление типологии русского предложения в ее отношении к этнофилософии / З. К. Тарланов. – Петрозаводск, 1999. – 207 с.
4. Золотова, Г. А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г. А. Золотова, Н. К. Оніпенко, М. Ю. Сидорова. – М.: Наука, 1998. – 460 с.
5. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова; АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1976. – 383 с.
6. Галкина-Федорук, Е. М. Безличные предложения в современном русском языке / Е. М. Галкина-Федорук. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. – 332 с.
7. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. языков / А. В. Федоров. – М.: Высш. школа, 1983. – 303 с.
8. Быков, В. Повести: Дожить до рассвета. Его батальон. Волчья стая. Сотников. Обелиск / В. Быков; перевод с белорусского. – Минск: Мастацкая літаратура, 1985. – 636 с.
9. Быкаў, В. Выбраныя творы: у 2 т. / В. Быкаў. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1974. – Т. 2. – 464 с.
10. Быков, Василь. Знак беды: повесть / Василь Быков; пер. с белорус. – М.: Молодая гвардия, 1984. – 299 с.
11. Быкаў, Васіль. Знак бяды: аповесць / Васіль Быкаў. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1984. – 254 с.
12. Мележ, И. Люди на болоте. Из полесской хроники. Роман / И. Мележ. – Минск: Беларусь, 1967. – 383 с.
13. Мележ, І. Людзі на балоце: Раман з “Палескай хронікі” / І. Мележ. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1999. – 397 с.